

Александр Никонов

**«ЧТО ТЫ ВЪЁШЬСЯ,
ВОРОНОЧЕК!..»**

повесть об А. С. Пушкине

Александр Никонов

«Что ты вьёшься, вороночек!..».
повесть об А. С. Пушкине

«Издательские решения»

Никонов А.

«Что ты вьёшься, вороночек!..». повесть об А. С. Пушкине /
А. Никонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-011301-9

Повесть «Что ты вьёшься, вороночек!..» — это попытка переплести судьбы Александра Сергеевича Пушкина, который собирает материалы по пугачёвскому бунту во время своего знаменитого путешествия по Поволжью и Уралу, и самого мятежника, Емельяна Пугачёва.

ISBN 978-5-04-011301-9

© Никонов А.
© Издательские решения

Содержание

Дороженька первая. Глава 1	6
Дороженька вторая. Глава 1	13
Дороженька первая. Глава 2	21
Дороженька вторая. Глава 2	26
Дороженька первая. Глава 3	31
Дороженька вторая. Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**«Что ты вьёшься, вороночек!..»
повесть об А. С. Пушкине
Александр Никонов**

© Александр Никонов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дороженька первая. Глава 1

«Поднималась с гор погорушка, всё хурта-вьюга...
Сбивала-то она добра молодца со дороженьки...»

Народная песня.

Поздний летний вечер. В донской степи на дороге показался одинокий всадник. Его карий конь еле плёлся, понуро опустив голову. Всадник его не подстёгивал, а лишь лениво поддёргивал уздечкой, видно, понимая, что тот и так тащился из последних сил. По лицу всадника было видно, что он сильно устал и истомился от долгой дороги. Наездник был лет тридцати пяти-сорока от роду, широкоплеч, коренаст, роста среднего, тёмно-рус, борода клином, чёрная. Ноги его паучьими лапами обвивали подбрюшье лошади – сразу было видно, что это опытный наездник, родившийся, как говаривают казаки, верхами. На его загорелом лице, на левом виске, маленькой луной выделялось белое пятно от чёрной оспы. Когда он ощеривался, чтобы выплюнуть изо рта дорожную пыль, было видно, что в верхнем ряду не хватает одного зуба.

Вот вдаль показались окраинные дома селения с высокими вёслами. Родная сторона. Пахнет полынью, лебедой и острым, щекочущим чабрецом. Над станицей туманом ещё стоит пыль, поднятая пригнанным с выпасов стадом. Из соломенного шалаша у рогатки, сооружённой из осиновых брёвен, заслышав стук копыт, вылез мужчина с голым торсом, потянулся, раскинув руки, зевнул. Долго вглядывался в проезжего, опершись на саблю. Видно, узнал, прислонил оружие к столбу. Всадник у заставы спешил, похлопал коня по крупу. Тот вздрогнул.

– Ну-ну, скоро дома будем. – Повернулся к мужчине. – Здорово, служивый. Не узнаю что-то. Ты, что ли, Еремей?

- Да я, я.
 - Что, Ерёма, ветра в поле караулишь? Да и того нет, от духоты не продохнуть.
 - Здорово, Емеля. Это кому как, бывает, что и без ветра воров пригоняет. Рази не слышал – тут к нам набегают из киргизкайсацких степей.
 - Ну, как не слышать, слышал.
 - А ты что, отслужил?
 - Да болел вот, в Черкассах лежал.
 - Вона что. А воевал где?
 - Бендеры брали, во второй армии.
 - И как, взяли? – хитро прищурился казак.
 - Дали мы туркам жару.
 - Надолго домой?
 - Как атаман скажет.
 - И то правда. Ладно, скачи, а то, небось, Софья-то заждалась.
- Казак похотливо заржал.

Вот и родной дом. Уставшее солнце спешило отправиться на покой в своё ночное ложе. Последние его лучи шарили по верхушкам деревьев у речки, а заря золотила стекла в окнах. Емеля спешился, потрогал ворота – заперто. Рукояткой плётки постучал в крайнее окно. Скотина, почувшая кислый запах лошадиного пота, встревожилась: корова замычала, поросянок завизжал, а куры, недавно было успокоившиеся, захлопали крыльями и закудахтали, петух лишь проворчал, успокаивая свой гарем. Створки окна распахнулись, на улицу высунулась взлохмаченная голова женщины. Увидев хозяина, она прикрыла ладонью рот, а потом ахнула:

– Ах! Емельян Иванович, батюшка, ты ли это? Господи, сейчас отопру.

Скоро в сенях звенькнул отбрасываемый крючок, шлёпнула деревянная задвижка калитки. Женщина вышла из сеней, прильнула всем телом к казаку.

– Здравствуй, Емелюшка, соскучилась я.

– Здравствуй, Софья. – Он чмокнул жену в лоб. – Ладно, чего жаться-то, не убегу.

Женщина быстро отворила одну створку ворот, завела коня во двор. Емельян снял со спины лошади перемётные сумки, сказал:

– На, носи. Потом овса дашь, да гляди – коня много не пои.

– Да уж знаю, знаю, чать, не мужикова, а казачья жена, – сверкнув весёлыми чёрными глазами, ответила Софья. Емельян снял с коня сбрую, повесил её на крюки под навес, похозяйски осмотрел двор и лишь после этого вошёл в дом. У порога снял с себя оружие и повесил его на крюк, перекрестился двоеперстием на образа, висевшие в переднем углу. Дети, одетые в длинные рубахи, – две девочки и мальчик-подросток, – ждали окончания ритуала, которое совершит отец, и лишь после того, как он сделал последний поклон, подбежали к нему с криками:

– Тятя, тятя!

Емельян подхватил на руки девочек, успев при этом погладить по голове мальчика.

– Пришёл, пришёл ваш тятя. Ну что, остроглазые, а слушались ли вы мамку, помогали ей? – весело вопрошал он с нарочито суровым видом.

– Помогали, тятя. Слушались, тятя. А ты гостинцы нам привёз?

– А как же, грех казаку домой без гостинцев возвращаться. А вот смотрите-ка.

Он снял с рук девочек и стал развязывать кожаную перемётную суму, пропахшую лошадиным потом. Протянул девочкам атласные ленты, каждой по две: по красной и по зелёной:

– Натё, егозы, увлекайте женихов. – Потом подозвал сына. – Подойди, Трофимушка.

Тот подошёл. Емельян вынул что-то длинное, завёрнутое в тряпицу, развернул и на двух ладонях протянул мальчику кинжал в кожаных ножнах. Тот осторожно взял подарок, глядя на него восхищёнными, широко раскрытыми глазами, спросил:

– Это мне, тятя?

– Тебе, тебе, сынок. Ты скоро казаком станешь, а что это за казак без оружия, что свинопас с хворостиной. Я самолично отбил его у янычара-басурманина. Носи, сынок, только помни: без нужды не вынимай, без крови врага не вкладывай. Понял ли, сынок?

– Понял, тятя.

Вошла Софья. Увидев в руках сына опасную игрушку, с сомнением спросила:

– Не рано ль ему?

– В самый раз, что ж ему, до портов ждать. Тятя мой, Иван Михайлов, тоже об эту пору, дедовскую саблю мне подарил, какой он в отрочестве поигрывал.

Емельян присел на корточки и вынул из сумы пару расшитых золотыми и серебряными нитками чёрных башмачков.

– А это тебе, Софья. Такие носила сама жёнка сераскира, а то и сама пери. Теперь ты у меня царицей ходить будешь.

Жена ахнула, накоротке прижалась к плечу мужа, примерила обновку:

– В самый раз! – Софья покрутилась на месте. – Спаси тебя Христос, Емелюшка, за такой подарок.

– Носи да не стаптывай, жёнка. Покормила б ты, что ли, меня, а то за дорогу я совсем отощал без домашних харчей.

Солнце окончательно спряталось за горизонт, объяв землю темнотой. Софья зажгла светец из двух лучин, не забыв подвинуть под них тазик с водой, вынула из печи в горшках кашу и пустые щи, нарезала пластинами хлеба. Емельян жадно ел, смахивая с бороды в деревянную чашку остатки еды:

– Ладно, ой ладно. Надоели мне солдатские сухомятки. Ну, как вы тут?

– Да как же, сам знаешь, Емелюшка, без хозяина и дом сирота, перебиваемся. Иногда община помогает, когда и сами не зеваем.

Емельян вдруг остановился, посмотрел на догорающие лучины, искры от которых падали в тазик с водой, потом тряхнул головой:

– Ничего, ничего, авось, Бог даст, заживём мы с вами по-царски, во дворцах с золотом, в парчах ходить будем и нужды не знать. Вот помяните моё слово.

– Как же так, Емеля? – спросила Софья.

Емельян словно очнулся, он прищурился, строго посмотрел на жену:

– Ты гляди, Софья, с кумушками не больно-то сорочь, сама скоро узнаешь. Спать пошли.

Емельян долго не спал, всё ворочал в голове глыбы тяжёлых дум и вздыхал. А задуматься было от чего. Вот уже больше десяти лет прошло, как он ломал казацкую службу, а просвета в судьбе так и не намечалось. За эти годы дослужился до хорунжего, младшего офицерского казачьего чина. А дальше что? Емеле не было и семнадцати, когда его отец, Иван сын Михайлов, по прозвищу Пугач, как на Дону называли филина, вышел в отставку. Его место и занял Емеля, благо, что не надо молодого казака снаряжать: и конь, и амуниция, и оружие досталось от батюшки в наследство. Через год остепенился – женился на красивой казачке Софье, дочери Дмитрия Недюжева из Есаульской станицы. Ах, как сладки были ночи с молодой и любимой женой!

Да только недолго пришлось нежиться и ласкаться в пуховой постели – настала и ему пора послужить. Воевал в Пруссии, когда шла семилетняя война. За сноровку, бесшабашность и весёлый нрав молодого казака приметил полковник Денисов, командир пятисотенного отряда донских казаков, и взял к себе в стремянные ординарцы. Емеля обрадовался

и думал, что ухватил удачу за бороду, ведь не каждого казака брали в ординарцы командиры. Но и здесь удача, словно скользкая щучка, выскользнула из рук. Однажды во время ночного боя, в заполошной суете и суматохе боя, когда повсюду гремели взрывы и выстрели, а в темноте сверкали молнии от пороховых зарядов, он не удержал молодую, горячую лошадь командира, и та с ржанием и диким приплясом растворилась в ночной кутерьме. На беду лошадь немедленно понадобилась полковнику, тот, не нашедши её, расвирепел и велел выпороть Емельяна плетьюми.

После прусского похода Емельян ловил беглых староверов в Речи Посполитной и возвращал их на родину. А скоро подоспела новая война с османами. Служил на этот раз Емельян под командованием полковника Ефима Кутейникова почти два года. После взятия Бендер войска встали на зимние квартиры в селе Голая Каменка, что близ Елизаветграда. Делать было нечего, и казаки травили байки, вспоминали семьи и родные станицы, пили вино и устраивали набеги на крестьян, чтобы поживиться свежими яйцами, молоком и сметаной.

Все казаки завидовали казацкой сабле Емельяна, которая досталась ему от батюшки. Сабля была с темляком из кручёной серебряной нити на эфесе, кривой, словно речная волна, с наплывом на конце и узором на рукояти и ножнах. Этот наплыв на конце клинка придавал сабле особенное ускорение при замахе, и каждый удар, настигавший противника, разрубал его пополам или увечил. На зимней квартире, в доме зажиточного крестьянина, казаки только и спрашивали его о сабле, домогаясь сказать, где он её купил, у какого мастера. Емельяну это надоело и однажды он по секрету, приглушив голос, сказал: «А хотите знать, братцы, чья это сабля?» «Ну, говори, Емелька». «Энту саблю мне подарил сам великий царь, Пётр Алексеич. Вот как». «Мели, Емеля, – не верили ему. – Начто тебе, простому казаку, сам царь будет саблю дарить?» «Так он же мой крёстный отец». «Как же так-то?» «А так! Батюшка мой в Питербурхе в конном полку служил. А когда я народился, он и подарил мне эту саблю». Кто-то верил, кто-то нет, кто-то сомневался: «Ты ж совсем мокросос, Емеля. Ври. А Пётр-то, когда это было».

На квартирах Емельян и простудился, подхватил грудную болезнь. Кутейников велел отряду ехать на Дон для исправления лошадьми, чтобы пополнить конную кавалерию. Снабдили отряд харчем на дорогу, тёплой одеждой и отправили домой. В этот отряд попал и Емельян, а в Черкассах слёг в лазарет... С этими думами Емельян и заснул.

В Зимовейской прозвонили станичный сбор. Собрались на площади, у куреня атамана, седого худощавого мужчины лет пятидесяти. Он взял слово:

– Казаки, вы помните, как прошлым годом бунтовали в Яицком городке. Тогда генерал-майор Фрейман усмирил мятежников. Тогда они, слава Богу, со своими детьми и жёнами убежали за Чаган и ушли к Каспию-мору. Там-то их всех и переловили.

– Помним! Знаем! – зашумели казаки. – И мне самому пришлось свою нагайку помочалить об их спины.

– Вот-вот. Мне пришло донесение, что мятежники не унимаются. За Яиком по всем степным умётам и отдалённым хуторам опять собирают тайные собрания, а прощёные мятежники грозятся, мол, то ли ещё будет, так ли мы тряхнём Москвою. Поэтому приказываю устрожить караулы, мало ли что этим вора姆 втемяшится в голову. Это первое. Второе: надо снарядить отряд на путину, чтобы наморозить на зиму рыбу, чтоб самим не голодать и на продажу чтоб осталось. Третье: надо помочь вдовам заготовить на зиму сена, чтоб не думали наши убиенные товарищи, что их сироты остались в бесприютной юдоли.

После сбора атаман подошёл к Пугачёву:

– Что, приехал, Емеля?

– Приехал вот.

– Зайди в мой курень, поговорим да от жары остынем.

Зашли в прохладу. Вместе с атаманом и Пугачёвым в курене сидели писарь и двое старшин. Хозяйка подала квасу. Все попили. Атаман искоса посмотрел на Емельяна, спросил:

– Чего не доложил?

Пугачёв от прямого ответа уклонился:

– Сильно устал после дороги, целый день отсыпался.

Один из старшин ухмыльнулся:

– Наверно, Софья больше утомила.

Пугачёв зыркнул на него косым взглядом, но ничего не ответил.

– Ну, ладно, это дела семейные, – погасил назревавший скандал атаман. – Так где, ты говоришь, службу ломал?

– В Бендерах, при второй армии.

– Как там турок?

– Ломаем.

– Это хорошо. Иль наскучило в Бендерах-то?

– Там не заскучаешь, – ответил Емельян. – Турок покоя не даёт, того и гляди, из своих шаровар выскочит. А отпустили меня по причине грудной болезни.

– Вот как. – Атаман засомневался: – У тебя бумага есть?

– А как же, вот.

Пугачёв подал бумагу.

– Вот, в Черкассах, в гошпитале лежал.

Атаман передал бумагу писарю. Тот, подслеповато вглядываясь в текст, читал:

– «Донской казак Зимовейской станицы Емельян сын Ивана Пугачёв находился на излечении в Черкасском...» – Писарь прервал чтение. – Так и есть, господин атаман, справка в полной исправности. Тут и печать есть.

– Бумажка, это хорошо, бумажка всё вытерпит. Купил, небось, а, Емеля? – Атаман строго посмотрел на казака. – Что-то ты не похож на недужного.

– Не верите, так чего ж, – бормотал Пугачёв. – Проверяйте, коль надо.

Атаман спустил густые седеющие брови, закрыв ими пол глаз. Один из старшин усмехнулся, покрутил головой, поправил свои усы:

– Я тебя, Емеля, ещё вот таким курвёнком знаю. – Он показал рукой на уровень своего колена. – Небось, отхлынул от службы. Я гляжу, у тебя и карюха другая появилась. А ведь с лошадьёю тебя не отпустили бы. Где кобылу взял? Кони, да ещё с седлом, по степям не гуляют.

Пугачёв возмутился:

– Что ж я, по-вашему, аль не служивый казак, иль я голь перекатная! Мне и жалованье платили. А коня. Что конь, я его на барышном базаре в Таганьем Рогу купил.

– Уж не у цыгана ли? – заржал старшина. – Оно и понятно: цыган и жеребится, и пасёт, и подковывает, и сбрую ладит.

– А хоть бы и у цыгана. Мне-то что. Что было, то и купил – по цене пришлась.

– Брешет, небось, – поддержал своего товарища второй старшина. – Знаем мы тебя.

Купил он!

Атаман уставил свой кривой палец на Емельяна:

– Во, слышь, Пугачёв, не верят тебе станичники. Ну, коль купил, докажи. Покупная есть?

Пугачёв негодуяще всплеснул руками:

– Вот, извините, братцы! Не догадался! Да кто ж мне покупную на базаре выправит. Базар, он и есть базар. Там, известно, два дурака: один продаёт, другой покупает.

– Ты тут нас не дурачь, Емеля, – настрожился атаман. – Поезжай и привези документ на лошадь. А если не так, то будем считать тебя вором и разбойником. Даю тебе неделю срока. Понятно ли?

– Понятно, чего не понять, – смиренно сказал Пугачёв и встал. Потом стал кланяться: – Вот спасибо, братцы, – приветили служивого.

– Ну-ну, ты комедь-то не ломай, Емеля, – приструнил старшина. – Если ты прав, то привези покупную, да и дело с концом. Ходи давай.

Пугачёв молча пошёл к порогу, но у самой двери его остановил вопросом старшина:

– А ещё мы слышали, Емелька, что под Таганьим Рогом ты будто подговаривал казаков бежать на Кубань. Правда это?

Емельян повернулся, насупился:

– Наветы всё это. Ветер-то свистит, да кто его поймёт, о чём он. Наветы это всё, истинно вам говорю. Ну, прощайте, братцы.

Когда Пугачёв вышел, старшина вздохнул:

– Сразу видно – Разина порода. Эх, зря мы его отпустили, уйдёт ведь в степи. Ведь не зря же слух ходил, что шатался он по скитам да станицам, смущал народ нечестивыми речами. Уйдёт ведь.

– Это да, в Емельке семя Разино произрастает. Ну, ничего, – отозвался атаман. – Пусть волю почует. Вот ужо прискачет Спирька Голоштаный, он-то всё видел и слышал. Уж он-то докажет.

Придя домой, Емельян долго в задумчивости сидел за столом. Глаза его рысьями бегали из стороны в сторону, словно выслеживали дичь, а кулаки тёрли столешницу, будто крутили мельничку. Софья заметила его мрачное настроение, испугалась:

– Не случилось ли чего, Емелюшка?

– Ничего-ничего! Привязались вот, дай им покупную грамоту на лошадь, да всё тут. Что ж, надо ехать. – Он встал. – Ты вот что, Софья, приготовь мне что-нибудь в дорогу.

– Когда едешь?

– Сегодня.

– Да что ж ты в ночь поскачешь, подождал бы до утра.

– Днём гнётко и жарко, а в ночь-то в самый раз будет, – возразил Емельян. – Да и коню легче будет.

Софья долго смотрела на мужа и вдруг заплакала.

– Ну, чего ты разревелась?

– Тяжко мне, – призналась Софья. – Сердце моё беду чует. Да и ворон этот.

– Какой ворон? – настрожился Емельян.

– Днём сегодня, пока тебя не было, над нашим осокорем ворон летал. Да так каркал, так каркал, словно беду накликал. Аж душенька моя насторожилась.

Емельян подошёл к жене, прижал её голову к своей груди.

– Ну вот ещё, нашла чем заботиться. Что ворон, он полетает-полетает да улетит. – Неожиданно он запел:

– Что ты вьёшься, вороночек,
Над погорушкой в степи:
Или ждёшь ты чёрных ночек,
Или кликаешь беды.

Пугачёв легонько отстранил от себя жену.

– Ну, всё, всё.

В ночь Пугачёв ускакал из станицы, поехал не через заставу, а вдоль по Дону, через ракитовые колки. Въехал на холм, остановился, долго смотрел на родную Зимовейскую станицу, словно прощался с ней навсегда. Потом усмехнулся и сказал неизвестно кому:

– Так-так, атаман. Значит, говоришь, то ли ещё будет. А и правда, не тряхнуть ли нам Москву.

Пугачёв тронул поводья, развернулся на месте и осторожно стал спускаться с угорья.

Ранним утром в доме Пугачёва раздался требовательный стук. Проснувшаяся растрёпанная Софья открыла дверь. В избу ворвались казаки. Старшина грозно спросил:

– Софья, где твой муженёк? Разбуди-ка его.

– Так он же уехал.

– Куда?

– За покупной, сказал. Вы же сами его отправили.

Старшина пожевал усы:

– Это так, посылали, да только что-то скоро он собрался. Больше он ничего не говорил?

– Нет, не говорил. Да что случилось-то? – всполошилась Софья.

– Ничего не случилось. Если Емеля появится, кликнешь нам. Да смотри, не предупреди! – пригрозил кулаком казак. – А то выпорем на сходе или выгонем вас из станицы. Поняла ли?

Когда казаки ушли, Софья сползла по стенке на пол и горько заплакала.

Дороженька вторая. Глава 1

*«По неволе иль по воле
Мчится он в ночную мглу?»*

Народная песня.

Из Казани вниз по Волге по заволжской дороге летит ямщицкая тройка. Слышны лишь топот копыт по сухой дороге да храп лошадей. Пассажир, дремавший в коляске, выехал ранним утром, когда солнце лишь посинило окраек неба. А встал он и того раньше. Оделся, посмотрел на свой брегет – 6 часов. Часы отзвонили мелодию и стихли. Мужчина сел к письменному столу, очинил перо и стал писать письмо Фукс, гостеприимной хозяйке, которая привечала его в Казани: «8 сентября 1833 года. Милостивая государыня, Александра Андреевна! С сердечной благодарностью посылаю вам мой адрес и надеюсь, что обещание ваше приехать в Петербург не есть одно любезное приветствие. Примите, милостивая государыня, изъявление моей глубокой признательности за ласковый приём путешественнику, которому долго памятно будет минутное пребывание его в Казани. С глубочайшим почтением честь имею быть...»

Затем он взял другой лист бумаги.

«8 сент. Казань. Мой ангел здравствуй. Я в Казани с пятого и до сих пор не имел время тебе написать слова. Сейчас еду в Симбирск, где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками, современниками моего героя; объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону. Погода стоит прекрасная, чтоб не сглазить только. Надеюсь до дождей объехать всё, что предполагал видеть, и в конце сентября быть в деревне. Здорова ли ты? здоровы ли вы все? Дорогой я видел годовую девочку, которая бегает на карачках, как котёнок, и у которой уже два зубка. Скажи это Машке...»

В этот момент за спиной скрипнула дверь кабинета. Мужчина оглянулся. В кабинет входил Баратынский. Пушкин живо встал со стула, бросился навстречу гостю:

– Евгений Абрамыч, как вы здесь, откуда? Я уж и не чаял увидеть вас больше в этих краях.

Баратынский развёл руки:

– Да вот, услышал, Александр Сергеич, что вы сегодня уезжаете, примчался из Каймар проститься с вами. Когда ещё доведётся свидеться. И доведётся ли...

– Рад, очень рад! Да вы скидывайте свой плащ, садитесь. Я на минутку оторвусь. Писал вот письмо Натали. Не окончил.

Александр Сергеевич снова сел к столу и быстро набросал окончание: «Здесь Баратынский. Вот он ко мне входит. До Симбирска. Я буду говорить тебе о Казани подробно – теперь некогда. Целую тебя».

Снова вернулся к Баратынскому, сел рядом с ним на диван, взял его руки в свои.

– Евгений Абрамыч, мне уж надо ехать, тройка ждёт. Прошу простить меня. Я надолго запомню эти дни в Казани, наши встречи и прекрасные вечера, проведённые у вашего тестя и у Фуксов. – Неожиданно он замолчал, потом встал и порывшись в дорожном саквояже, достал небольшой портрет. Протянул его Баратынскому:

– Вот, возьмите от меня на память.

Евгений Абрамович осторожно принял портрет, посмотрел на рисунок.

– Это вы, Александр Сергеич?

– Да, примите от меня на память. Пусть он напоминает вам о нашей встрече в Казани. Этот портрет нарисовал Жорж Вивьен. А рамочку, между прочим, я смастерил сам из папье-маше. Давайте прощаться.

Они обнялись и вышли во двор. Александр Сергеевич сел в карету. Собранные ещё с вечера дорожные вещи – книги, карты, рукописи, еду одежду – приказал своему дорожному лакею Иннокентию погрузить в рундук коляски, а возчику сказал:

– Ты вот что, любезный, ты пригаси-ка колокольчик, да и бубенцы тоже. Не выпался я что-то.

Рослый хмурый детина из-под бровей зыркнул на пассажира, стал рвать сухую траву и заталкивать её в бубенцы, чтобы они не гремели. С колокольца на дуге он просто снял било и спрятал его в карман чапана. Недовольно пробурчал что-то в бороду – он и сам в эту ночь не выпался. А позвонки не давали в дороге уснуть, чтобы, не дай Бог, не съехать в кювет или не угодить в канаву. Но пожелание пассажира, как закон.

Сентябрь в этот год выдался сухим и жарким, потому и осень зарделась и расцвела слишком рано для этой поры. Леса и колки, бурты кустарника вдоль буераков уже цвели багряными, жёлтыми, розовыми и бурными листьями. Крестьяне ещё дожинали на полях остатки хлебов. При виде тройки они разгибались, бросали серпы на землю и долго смотрели ей вслед, словно завидуя ей. Потом тяжело вздыхали и снова принимались за страдную работу. Может, они просто удивлялись странному для этих мест облику пассажира.

Это был сухощавый шатен с курчавыми волосами, с бледным, мулатским лицом, с небольшими бакенбардами, молодыми усиками и толстыми губами. Иногда он вздрагивал, отрывался от дрёмы, вскидывал веки и живыми, с лёгкой голубизной, глазами, и смотрел по сторонам. На его тонких пальцах с длинными, лопатками, ухоженными ногтями, поблёскивали два перстня: на левой руке большого пальца и на указательном пальце правой.

Через несколько смен лошадей, во втором часу дня, тройка въехала в небольшой городок. Пассажир спросил:

– Что это за селение, сударь?

– Это Аишево, барин. Здесь через Каму переправляться будем.

– Надолго это, я тороплюсь.

– Не знаю, барин. Смотритель, должно, знает.

Прочитав подорожную пассажира, в которой было написано, что господин титулярный советник Пушкин по особо высочайшему повелению едет в Оренбургский край и что все губернаторы и местные власти обязаны оказывать ему на месте остановок всяческую помощь, содействие и беззамерительное следование в дороге, полуграмотный смотритель всполошился. У пассажира к тому же был открытый лист-предписание смотрителям всех почтовых станций беспрепятственно выдавать положенное число лошадей, полученное от самого Московского почт-директора Булгакова. Смотритель подумал, что пассажир не кто иной, как попечитель Казанского учебного округа граф Мусин-Пушкин, который осуществляет инспекционную поездку. Правда, его смутил странный облик пассажира: низенького, живого, вертлявого, который постоянно спрашивал:

– Скоро ли отправимся?

– Просим немного обождать, господин Пушкин. Скоро с того берега дощаник будет. А пока, просим вас, пройдите в избу, вас там чаем угостят.

Наконец Пушкин переехал на другой берег Камы и приказал ямщику мчаться во весь опор. В дороге он вспоминал, как зародилась его мысль написать «Историю Пугачёва», которая гнала его сейчас по тем местам, где почти шестьдесят лет назад полыхала народная война. Пожалуй, впервые она зародилась во время его невольного пребывания в селе Михайловском ещё в конце 1824 года, когда он попросил переслать ему из его библиотеки роман какого-то неизвестного французского автора «Ложный Пётр Третий, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачёва». Но там было столько вымысла, несурзиды и откровенной лжи, что поэт долго потешался над автором, высмеивая его литературные и исторические потуги.

В 1830 году, когда он находился в Болдино, в Москве и её окрестностях, а затем почти через год и в Петербурге, когда вспыхнули «холерные» бунты, его возмутили усмирения взволновавшегося народа, когда сам царь выезжал на место происшествия. Затем Пушкину привелось прочитать Сентенцию Сената от 1775 года «О наказании смертною казнью изменника, бунтовщика и самозванца Пугачёва и его сообщников», из которой он узнал о благородном дворянине, офицере-поручике Шванвиче, попавшему в плен к восставшим и перешедшему на их сторону. Предатель был прощён самим Емелькой и даже пожалован есаулом, а затем атаманом полка пленных и секретарём и переводчиком военной коллегии Пугачёва. Затем в беседе с генерал-лейтенантом Свечиным тот тоже рассказал о Шванвиче. Будто указы Пугачёва на немецком языке писал предавшийся изменнику трона дворянин-немец Шванвич.

Этот эпизод с «благородным дворянином», который перешёл служить к бунтовщикам, и послужил первым толчком к замыслу романа «Капитанская дочка». Но все русские и иностранные источники о Пугачёвском восстании не давали правильного и зримого представления ни о причинах этого восстания, ни о личностях, которые его вершили. Нужны были свидетельства живых очевидцев, которых ещё не поздно было найти. Но для такой поездки нужно высочайшее повеление. После долгих мытарств и прошений оно было получено.

Сейчас, по дороге в Симбирск, он вспоминал дорогу до Казани. Из Петербурга Александр Сергеевич планировал выехать 16 августа, но в этот день разразилась страшная буря. Царскосельский проспект был весь завален поваленными ураганным ветром деревьями, извозчики отказывались ехать через Троицкий мост, и пришлось путь в пятнадцать вёрст идти пешком. Сопровождал его Сергей Александрович Соболевский, который тоже ехал в Москву. Змеи вылезли из затопленных водой нор и большими клубками грелись на солнце. Иной раз мимо них невозможно было пройти, и приходилось их убивать тростью или палками. Соболевский, зная о суеверном характере своего спутника, посмеивался: «А не вернуться ли нам, Александр Сергеевич? Говорят, змеи на дороге – плохая примета». Пушкин

и на самом деле подумывал, не отложить ли поездку на некоторое время, но что он скажет императору, который дал ему целых четыре месяца отпуска на собирание материала о пугачёвском бунте. Нет, откладывать никак нельзя.

17 августа утром они выехали на московско-петербургский тракт, три дня провели в дороге и остановились в Торжке, переночевав в гостинице. Утром, распрощавшись с Соболевским, Пушкин отправился в дорогу, не забыв написать с дороги первое письмо жене. С почтового тракта решил свернуть на просёлок в сторону Волокаламска, чтобы заехать в село Ярополец к своей тёще Наталье Ивановне Гончаровой. Долго с ней беседовал, отобрал несколько десятков книг из семейной библиотеки Гончаровых, осмотрел гробницу пращура Натальи Ивановны, Дорошенко Петра Дорофеевича, украинского полководца и дипломата, бывшего полтора века назад гетманом Правобережной Украины. Образина, как называл Пушкин своего дорожного слугу Ипполита, долго ворчал тоном московского канцеляриста, перемежая свою простонародную лексику с французскими словами, которых он поднабрался, живя в господском доме, загружая в коляску тяжеленные книги.

Затем Пушкин решил навестить своего приятеля и «старину» Павла Ивановича Вульфа, поручика лейб-гвардии Семёновского полка, участника Отечественной войны, проживавшего в селе Павловском Тверской губернии.

В Москве Александр Сергеевич был вынужден пробыть четыре дня, потому что по дороге сломалась карета, и её ремонт затянулся. Встречался со своими старыми друзьями и приятелями Киреевским, которому отдал тетрадь с записанными в Михайловском народными песнями, Шевырёвым, Соболевским, Судиенко, был у Погодина, Чаадаева. В ночь с 26 на 27 августа пили за здоровье Натали, у которой на следующий день были именины. Побывал с визитом вежливости у чиновника по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, московского почтового директора Александра Яковлевича Булгакова, чтобы поблагодарить его за приглашение на именины его жены, Булгаковой Натальи Васильевны, извиниться за своё отсутствие на них, не забыв выпросить у него подорожный лист для станционных смотрителей. Булгаков был сильно обижен на поэта, но подорожную всё же дал. Провожал его из первопрестольной хороший друг Нащокин Павел Воинович.

Ещё до въезда в Казань, на одной почтовой станции, где-то между Васильсурском и Хмелёвкой Пушкин встретил старуху, собирающую милостыню. Как всегда при смене лошадей, он расспрашивал местных старожилов о Пугачёвском бунте, происходившем в этих краях, и вдруг сзади раздался надтреснутый голосок:

– Зачем вам, молодой человек, знать-то о столь далёких временах?

Пушкин оглянулся и увидел скорбленную старушку лет семидесяти, с беззубым ртом, в простонародном одеянии, ответил:

– Я собираю материал по Пугачёвскому бунту, вот и записываю сказания, предания и легенды.

– А кто ж вы будете? – подозрительно спросила старушка.

– Я Александр Сергеевич Пушкин, поэт, – просто представился Пушкин.

– А-а-а, – протянула старушка, – читала, читала. Бойко вы пишете. Что ж мы, батюшка мой, стоим посреди дороги. Пойдёмте, присядем в харчевне, там и поговорим. Заодно и чаем меня угостите.

За чаем старушка призналась, что она обедневшая дворянка и живёт милостыней, что старшая её сестра была замужем за полковником Юрловым, тогдашним комендантом городка Курмыша.

– А полковник-то был смелушим да отчаянным, сударь вы мой. Спаси, господи, его душеньку. – Старушка перекрестилась. – Когда вор пришёл в Курмыш-то, взял в плен солдат да офицеров. Повязал их всех да и спрашивает, не желают ли, мол, они верно служить царю Петру Фёдоровичу. А свояк-то не оробел и кричит на него: «Ты вор, самозванец, разбойник

и бунтовщик, а не государь! И, помяни моё слово, висеть тебе на виселице на Лобном месте. Пока не поздно, сдавайся, проси милости и прощения

у нашей государыни». Пугачёв-то рассвирепел и велел повесить полковника. И до того он зол был на него, что велел казакам вынуть его из петли да мёртвого сечь нагайками. Вот оно как было, сударь мой.

– А что ж сестра ваша? – спросил Пушкин.

– Бог миловал мою сестрицу. Уж очень любили её крестьяне за жалостливость и кроткий нрав, спрятали её куда подале.

Поблагодарив старушку, Пушкин сделал в своей дорожной тетради короткую запись её рассказа, и отправился в путь.

Ямщицкая тройка за ночь и день пролетела Чебоксары, Пихчурино, Аккозино, Тюрлему, и к вечеру была уже в Свияжске. Станционный смотритель, узнав, по какой надобности следует пассажир, рассказал:

– Уж не знаю, понадобится ли господину Пушкину это или нет, но только старики мне рассказывали, что когда Емелька бывал в этих местах, однажды он с казаками ехал по дороге мимо копны с сеном. Собака побежала к этой копне да и давай лаять, словно с цепи сорвалась. Пугачёв что-то заподозрил, приказал разбросать сено-то, а там две девки прячутся. Обмерли они, когда Пугача увидели. Он быдто спрашивает: «Чего прячетесь, али государя своего не узнаете». Те чего-то лопочут со страха. Пугач подумал-подумал да и велел барышень-то повесить. Вот оно как.

– А за что же он их повесили? – спросил Пушкин.

– Да кто знает, что у этого разбойника в голове было, – ответил смотритель.

На Васильевском перевозе долго пришлось ждать переправы. Из Зелёного Дола до Казани Пушкин добрался уже ближе к полуночи. Сонный город приветствовал его тишиной и темнотой, лишь кое-где во дворах лаяли собаки. Тройка от Ягодной слободы проехала мимо Зилантова монастыря, на Большую Проломную улицу, поднялась на почтовую станцию при Главном почтамте, что на углу Театральной и Покровской улиц. Там ему подсказали, что переночевать можно в гостинице Дворянского собрания, которая размещается в трёхэтажном доме купца Дряблова в Петропавловском переулке.

Проснувшись, Александр Сергеевич быстро собрался и решил навести визит генерал-майору Энгельгардту, тестю Евгения Баратынского, с которым он сблизился в Петербурге. Добравшись до Грузинской церкви, где располагался дом генерала, Пушкин позвонил с парадного крыльца. Неожиданно вместо хозяина его встретил сам Баратынский. Пушкин воскликнул:

– Евгений Абрамыч, как вы здесь? Я думал, что вы в Петербурге.

Они коротко обнялись. Баратынский объяснил:

– Да я тут проездом, направляюсь в Кирилловское, тож Каймары, имение своего тестя. Это тут, недалеко, в двадцати верстах. Вот так радость, встретить вас здесь, Александр Сергеевич. Какими судьбами?

– Не случай и не судьба, Евгений Абрамыч, забросила меня в эти края. Вы помните, я говорил, что собираюсь писать историю Пугачёва?

– Да-да, конечно, помню.

– Так вот, с высочайшего соизволения императора я решил проехаться по сим примечательным местам, по возможности найти стариков, которые помнят те времена, и знатоков того примечательного события.

– Вы, Александр Сергеевич, попали в самый ракурс. Вам повезло, что вы застали меня в Казани, сегодня я как раз собирался отъезжать. А насчёт знатоков... Есть в Казани такой человек. Это любимец местного просвещённого общества и света, редкий умница и эрудит, – трещал Баратынский.

– Евгений Абрамыч, моя спина сама сгибается в поклонении к этому человеку. Не скажете ли, наконец, кто он.

– Это профессор медицинского факультета Карл Фёдорович Фукс.

– Немец? Но что он может знать...

– Не торопитесь, Александр Сергеич. Он почти русский, живёт здесь более тридцати лет. Эрудиция его распространяется, какётся, на всё. Он врач, археолог, этнограф, ориенталист, нумизмат, натуралист и, самое главное, краевед. Он многое может вам рассказать, дорогой Александр Сергеич.

– Убедили, убедили, – рассмеялся Пушкин, – ведите меня к этому монументу познаний.

– Хорошо. Только предупреждаю, жена его, Александра Андреевна, мнит себя известной поэтессой. Она, конечно, знает о вас, и потребует от вас, как бы это помягче сказать, восхвалений в свой адрес. Она не терпит критики.

– О, – простонал Пушкин, схватившись за голову, – Довольно! Но я готов претерпеть всё муки, чтобы встретиться с её мужем. Пойдёмте, пойдёмте.

По дороге Александр Сергеевич узнал от Баратынского, что Фукс написал много статей: «Татарский праздник Джиен», «Рамазан». «Курбан», «Сабан», «Приём гостей у татар», «Краткая история города Казани», «Краткое описание российских монет» Он узнал, что этот достопочтенный немец сотрудничал с журналами «Казанский вестник» и «Заволжский муравей», публиковал свои статьи в «Казанских известиях» и «Казанских губернских ведомостях»; что он читал лекции по ботанике и естественной истории, вёл курсы терапии и патологии, анатомии и физиологии человека, зоологии и судебной медицины; что он боролся с тифом и холерой; что в его доме есть богатейшие коллекции минералов, птиц и бабочек, монет и медалей; что он полиглот и знает, кроме русского и немецкого, ещё восемь языков: арабский, турецкий, татарский, английский, латинский, французский, итальянский и греческий.

Беседа с Казанским светилом и его женой продолжалась долго, и Пушкин много узнал о достопримечательностях Казани и её окрестностей. Затем он отправился в места, где проходили сражение войск с повстанцами, побывав в Суконной слободе, где находился шерстяной завод. В слободе, на углу Георгиевской и Мостовой улиц, он осмотрел одноэтажное каменное здание фабрики, поднялся на Шарную Гору с расположенным напротив неё старым армянским кладбищем, где Пугачёв расставлял свои пушки и откуда он начинал наступление на Казань. Затем съездил в деревню Троицкая Нокса и село Царицино, осмотрел Арское поле.

Но сейчас Александр Сергеевич вспоминал лишь одну, самую памятную встречу. Евгений посоветовал ему побывать в конце Суконной улицы, где располагался Горлов кабак и где в выходные дни и на праздники собирались рабочие и, напившись до одури, горлалили песни. Идти туда один побоялся. Прихватил с собой своего человека, Ипполита, засунул в карман пистолет. Вот и чертог Вакха с елкой и двуглавым орлом на вывеске. Здесь его познакомили с неким Петровичем, который будто бы много знал о событиях в Казани от своих родителей.

Петрович был мужчина лет шестидесяти, с редкой бородёнкой, низкого роста и коренастый, с живыми, стального цвета, глазами. Был он ещё не пьян и долго, в упор, рассматривал странного желтолицего господина. Потом спросил:

– И что вас, барин, привело сюда, мы, будто, вам не ровня?

– Я, слышал, вы много знаете о Пугачёве и тех событиях, которые здесь происходили. Это правда?

– Знаю, как не знать. Что знаю, и расскажу. Да прежде одарили бы меня чаркой винца.

Александр Сергеевич велел Ипполиту заказать штоф вина, и тот с ворчанием отправился к половому.

– Позвольте узнать ваше полное имя? – спросил Пушкин, приготовившись записывать в дорожную тетрадь.

– Имя моё простое, господин поэт, Василий, по батюшке, Петрович, а фамилия моя Бабин.

– Так что же вы знаете, Василий Петрович? – спросил Пушкин.

Любопытные работники, привлечённые странным разговором незнакомого господина и Петровичем, сгрудились вокруг них и внимательно слушали. Наконец принесли вина. Бабин выпил рюмочку, крикнул и начал рассказ:

– Я, сударь, сам ничего не помню – совсем малой был, а вот родители мои много сказывали. То и вам передам. Когда Пугачёв-то прискакал к Казани, то приказал послать сволочь свою с Арского поля на немецкое кладбище, установить там свои пушки и стал угрожать. Это тут как раз и было, в Суконной слободе. Фабриканты-то все попрятались в Кремле. Тут и были и господа разного звания, и купцы, и стрельцы, и мещане, и торговцы, и попы. Которые в башмаках с пряжками, в шляпах в три угла, разнаряженные в пух и прах – наверно, все одёвки на себя надели. Башкирцы окружили и давай пускать в них стрелами, словно хмелем. Начали из пушек палить. Была тут одна чугунная пушка, так её разорвало, канонира убило – видать, заряд большой втиснули. Суконщики видят, что дело плохо, ведь разрушат слободу, где жить тогда. Схватились за рычаги, за дубины, рогатины, косы. А преосвященник Веньямин подзуживает. А башкирцы уж тут как тут, зажгли слободу и бросились в улицы. Пугачёв будто запретил колоть народ, а башкирцы его не слушаются. Басурмане, они и есть басурмане, русского языка не понимают.

Родильница моя спрятала сестёр моих во ржи да приказала им не высовываться, пока не утихнет, а меня в подоле несла. А тут, откуда ни возьмись, казак на лошади. Она бросилась ему в ноги, истошмя кричит: «Пожалей, батюшка, не губи!» А он ей: «Э, матушка, башкирец-то убьёт тебя». И всё же пожалел, не тронул.

Тут Бабин прервал рассказ, как-то странно посмотрел на поэта, пожевал волосы над верхней губой. Пушкин спросил:

– А ещё что помните, Василий Петрович?

– Кое-что помню, барин, да вот только что-то в горле запершило, промочить бы его чем. Мне бы ещё чарочку.

Пушкин посмотрел на бутылку – она была уже пуста. Народ, сгрудившийся вокруг рассказчика, засмеялся. Пушкин велел Ипполиту принести ещё вина. Петрович выпил, смачно крикнул, утёр усы:

– Вот так-то оно годнее, а то сухая глотка рот дерёт. – Он несколько секунд помолчал, закатил глаза и начал снова: – Так вот, матушка сказывала, жителей-то всех стали в лагерь сгонять, так, батюшка, вся Казанка запружена была. Тут, рядом с церковью, жил старик, сказывали, ему было не то сто, не то сто десять лет. Понесли его в эту церковь на носилках, чтобы скрыть, так его нагайками насмерть забили. Пригнали, значит, народец-то в лагерь, а там сам Пугачёв. Поставили всех на карачки, мужики ропщут, бабы и детишки воют. Тут им и объявили государево прощение. Что тут сделалось: все бросились к его ставке, плачут от радости, ура кричат, молятся на окаянного. А командиры его спрашивают: «Кто желает идти в службу к государю вашему, Петру Фёдоровичу?»

– И что же, пошли? – спросил Пушкин.

– Как не пойти, барин. Охотников тогда много нашлось. Да, вот ещё что вспомнил! Как он, окаянный, в Казань-то вошёл. Прямо здесь вот, что против Шарной горы, он пушку поставил, а сам подошёл лесом, рассыпался по Арскому полю да по третьей горе и ворвался в Казань. Что тогда творилось, Господи помилуй! Ловили кого ни попадя, саблями рубили, сильничали, на кол сажали, за ребро вешали. Веришь ли, барин, сказывают, рели лет десять после Пугачёва стояли и петли болтались, пока не сгнили. Да, вот ещё. Фабриканты, кулач-

ные бойцы приняли было худо вооружённую сволочь в рычаги, в ружья да сабли, а Пугачёв как жхнет с Шарной горы картечью, так все и разбежались. Вениамин, преосвященнейший митрополит Казанский, успел тогда из архиерейского дома сбежать и спрятаться в крепости.

Война ить кому мачеха, а кому и мать родна. Народ-то, возвратясь из плена, нашёл всё вверх дном. Под сурдинку-то кто богач был, стал нищим, а кто скуден был, разбогател.

Ещё батюшка сказывал, что казак один при Пугачёве стал сымать башмаки с отца, и как не пришлось они ему впору, бросил их в лицо. Вот, барин, что знал, то и рассказал. А не поднесёте ли, барин, мне ещё чарочку за моё усердство?

...День уже клонился к закату, когда ямщик, показывая на поблёскивающие маковки церквей, сказал:

– Подъезжаем, барин. Симбирск. Куда править-то?

– А знаешь ли ты дом губернатора?

– Как не знать, знаю, многих господ туда подвозил.

– Так не мешкай, надо до темноты успеть устроиться. Есть ли тут фонари?

Ямщик усмехнулся:

– Сами увидите, барин.

Дороженька первая. Глава 2

*«Как и молодец шёл дорожкой,
Разудаленький шёл широкою;
Пристигала молодца ночка тёмная,
Ночка тёмная, ночь осенняя...»*

Народная песня.

На этот раз Емельян Пугачёв поостерёгся сразу появляться в станице. Степью он незаметно проехал на свой хутор и задами, ведя коня в поводу, пробрался к сараям и куреню. Зима ещё не заснежила, но уже стояли лёгкие морозы. Он привязал коня к коновязи под навесом, дал ему овса и налил в корыто воды. Подошёл к изгороди, долго вглядывался в сторону станицы, словно надеялся увидеть там что-то, потом, глубоко вздохнув, пошёл в курень. В избе было холодно. Емельян вышел во двор, набрал сухого навоза и кизяка. Долго бил кресалом, чтобы зажечь пучок сухой травы. Растопил печь, сел на низенькую скамейку, на которой Софья доила корову, и несколько минут глядел на разгорающийся огонь.

Уже затемнело, и он не боялся, что дым из трубы заметят в станице. Погрел у огня кусок сала и хлеб, пожевал. Через полчаса в курене стало тепло. Емельян лёг на сбитую из горбыля лежанку, покрытую тюфяком, набитым соломой, и затих. Его три месяца не было дома, скитаясь по Дону, он подбивал недовольных казаков на бунт против немецкой царицы, которая начала притеснять казаков за вольность и непослушание. Но казаки не слушали его. Он грозился:

– Глядите, станичники, дождётесь, когда жареный петух вас в задницу клюнет, да только поздно будет. Сами ко мне прибежите. А я прощу вас и возьму к себе.

– Да кто ты такой, чтобы ты командовал нами! – смеялись казаки.

– А вот скоро узнаете, – таинственно отвечал он, прищуривая глаз.

И вот он снова в родной станице, да дом его в себя не пускает. После того как атаман потребовал у него покупную на коня, он почувал, что дело добром не закончится, потому и не поехал сразу в дом. Да и где взять покупную ведомость, где найти хозяина? Ну, ничего, как-нибудь. Завтра жена придёт кормить на хутор скотину, от неё и узнает, что да как. С этими мыслями Емельян и заснул.

Проснулся он рано от холода, застудившего курень. Встал, вышел во двор. Темень ещё не спала, в стылом воздухе метался редкий снежок. Емельян вглядывался в сторону станицы, потому что знал, что на хутор должна была явиться жена Софья, чтобы покормить скотину. Вот в снежной занавеси мелькнула чья-то одинокая фигура. Чем ближе она подходила, тем явственнее было, что это была не женщина. Вот она уже у плетня. Емельян обрадовался:

– Сынок, Трофимушка, ты ли это?

Мальчик лет десяти испуганно остановился и стал тарашиться в полутьму.

– Да это я, я, сынок, твой тятя. Не бойся меня, иди ко мне.

Мальчик быстро забежал на баз и бросился в объятия отца с криком:

– Тятя, тятя!

Емельян спросил:

– Чего ты здесь в такую рань, Трофимушка. А где же мамка?

– А мамка занедужила, лежит, – ответил Трофимка.

– А как там Груня, Христя?

– Они за волосы меня дерут и вечно хлеба просят.

Когда Емельян с сыном покормили скотину, отец наказал:

– Ты скажи мамке, мол, Емельян ждёт её. Да пусть провианту принесёт, а то я истощился весь.

– Я сам принесу, – пообещал мальчик.

– Нет-нет, самому не надо. Пусть мамка принесёт, мне ей слово сказать надо. Понял ли?

– Понял, понял, – закричал Трофимка уже на ходу.

Емельян вслед прокричал:

– Да, смотри, про меня, кроме мамки, никому не сказывай.

– Ага, не скажу.

Софья, узнав от сына о появлении мужа на хуторе, долго раздумывала, сообщать об этом атаману или нет. Решила сбегать к жене своего брата, посоветоваться:

– Как думаешь, что мне делать? Может, накажут да отпустят с миром.

– Вы меня в свои дела не вмешивайте, – ответила та. – У меня, спаси Христос, своих забот хватает. Делай, как знаешь. А если атаман узнает, то он и нам шкуры-то спустит.

Попили чаю. «Нет, не скажу», – решила Софья и пошла домой. Но лишь Софья перенесла ноги за порог, как сношенька побежала к атаманскому куреню.

Емельян ждал до вечера. Во дворе по свежему снегу раздались скрипучие шаги. «Софья», – мелькнула мысль у Емельяна. На всякий случай взглянул в маленькое оконце – казаки! Пятеро, при оружии. Пугачёв скрипнул зубами:

– Курва! Продала мужа. Ну, погоди, я до тебя доберусь.

Емельян быстро задвинул засов двери. Старшина услышал звук, подал голос:

– Не шали, Емельян, открывай, нас много

Емельян позыркал по углам – бежать некуда. Спросил:

– Чего вам надо, казаки?

– А то не знаешь, смутьян.

– Я домой приехал.

– Чего ж тогда в хуторе прячешься?

– В чём винят меня?

– А вот к атаману приведём, там узнаешь.

Емельян открыл дверь, вышел, попросил:

– Казаки, оружие не отымайте, не позорьте меня перед станичниками.

– А кто тебя знает, что у тебя в голове. – Старшина сжалился: – Ладно, иди. Да смотри, не стрекай, как заяц, а то вмиг порубим.

Атаман Трофим Фомин встретил Емельяна неласково:

– Сдай оружие, Емельян. – Пугачёв набычился, устремив грозный взгляд на атамана, но тот не смутился: – Сдай по-хорошему, а то силой отберём.

Пугачёв увидел, что двое казаков уже ухватились за рукояти шашек, и снял с себя оружие с укором:

– За что вините, братцы, за то, что у меня покупной на коня нет?

Атаман спросил:

– Где три месяца пропадал, Емельян?

– Скитался, промышлял, чем Бог подаст. Семейно-то кормить надо.

– Не больно-то ты о семье заботишься, мы с кругу твоих домочадцев подкармливаем. Не жалко тебе их, Емеля?

– Жалка у пчёлки, атаман, – неуступчиво ответил Пугачёв. – Небось, жалованье-то мне не положите. В других местах, сказывают, казаки тоже бунтуют – начальство-то как делит: казакам череном, а себе лопатой.

– Вона ты как заговорил. – Атаман встал, приказал конвою: – Посадите-ка его в холодную, а утром отправим в Нижнюю Чирскую станицу. Пусть там с ним разбираются.

Пугачёв лишь скрипнул зубами от бессилия. В небольшом сарайчике, сбитом из толстых жердей, он зарылся в солому и заснул. Проснулся под вечер, посмотрел в щель: караульный казак сидел на крыльце избы и игрался с котёнком. Емельян жалобно крикнул:

– Сидор, принёс бы ты мне поест, а.

Казак принёс ломоть хлеба и кружку молока.

– На, ешь, Емельян.

– Спаси тебя Христос, – поблагодарил Пугачёв станичника, принимая еду.

– Только больше не проси, Емеля, у нас тут не трактир.

– Не знаешь, Сидор, долго мне здесь сидеть? Околою я.

– Завтра, должно, – ответил Сидор. – Слышал, атаман говорил.

Сидор закрыл двери, потрогал затворы, убедившись в их надёжности и крепости, ушёл в избу.

Наскоро поев, Емельян снова посмотрел в щель – никого. Достал из-за спины прятанный кинжал и стал тыкать ими в жерди. Скоро нашёл угол, где жерди были совсем трухлявыми, разворошил их и сделал отверстие, чтобы пролезть в него. Заткнул его соломой и решил переждать. Он знал, что караульный перед ночью обязательно проверит засовы и обойдёт сарай. Так и есть, часа через два Сидор снова вышел из избы, прошёл вокруг сарайчика, проверил запоры, крикнул:

– Эй, Емельян, ты здесь?

– Да здесь, здесь, куда я денусь. Не мешай спать, Сидор.

– Ну, отоспишься ещё, ночи сейчас длинные.

Скоро шаги стихли, скрипнули петли двери, щёлкнула щеколда. Пора! Емельян вытащил соломенную затычку и попытался пролезть сквозь дыру. Маловата! Тогда он скинул с себя зипун, выбросил его наружу и только после этого вылез сам. Оделся, быстро огляделся из-за угла – никого. Свобода! Тишина, только где-то в дальнем конце станицы брехали собаки. Теперь куда? Только на хутор, там стоит его конь. А если коня нет, уйдёт вдоль Дона – и ищи-свищи ветра в поле.

Ветер посвистывал под камышовыми крышами, пока он крался по станице. Вот и хутор. Конь стоит, правда, уже рассёдланный – значит, Софья приходила. Емельян усмехнулся, подумал: «Может, и не она продала-то. Ладно, даст Бог, ещё свидимся».

Сначала Пугачёв скрывался у Терских казаков, в станице Дубовской, а затем страх угнал Емельяна аж в Польшу. Долго шатался по деревням, пока не поселился в слободе Ветке, где его приняли раскольники, которых он когда-то не выловил. Но всё равно тянуло домой. На Добрянском посту сказался выходцем из Польши и прибавил себе десять лет. Ему выдали паспорт и отправили восвояси.

На Великий пост, в конце февраля, в ночь, Пугачёв снова вернулся в Зимовейскую. На этот раз он был пеший. Осторожно постучался в окошко. Софья, всматриваясь в темень, спросила:

– Кто?

– Открывай, Софья, я это, Емельян.

Он услышал сдавленный вскрик. Скоро открылись дверь, а потом калитка. Жена, закутанная в шаль, осмотрелась:

– А где же конь твой?

– Нет коня. – Строго спросил: – Скажи, ищут ли меня?

– Сначала часто приходили, всё допытывались, не был ли дома, а сейчас и не заходит никто.

Когда вошли в избу, спросил:

– Дети спят?

– Спят, угомонились давно.

– Питаетесь чем?

– Что Бог подаст. Сестры помогают, Ульяна да Федосья. Когда и станичники помогают. – Софья села на лавку и заплакала. – стыдно-то как, Емельюшка, словно вдова казачья живу. А я ведь не вдова. Взятся бы ты за ум-то, хватит тебе баламутить да куролесить.

– Ну-ну, – громко прикрикнул на жену Емельян, – не тебе мужа учить! А не ты ли в прошлый раз передала меня казакам, а?

Дрожа всем телом, Софья перекрестилась:

– Вот те крест, не виноватая я. Как же я оставлю детей сиротами, грех это. А тогда я сильно занедужила, вот и не пришла.

– И то, правда, – смилоствовался Емельян.

Подумав, Софья добавила:

– Правда, в тот день забегала я к снохе, чтобы посоветоваться, что нам делать, как жить дальше. Ну, не она же тебя передала.

Поразмыслив, Емельян ответил:

– Дуры вы, бабы. Ладно, покормить-то есть чем?

Емельян спал, когда Софья осторожно встала с постели, оделась и вышла из дома. Вся дрожа и обливаясь слезами – боязнь за детей и остаться без жилья, если казачий круг решит выселить их из Зимовейской, несли её ноги к дому атамана. Вот и дом. Сильно постучала. Изнутри отозвались:

– Кто там?

– Это я, Софья Пугачёва, откройте.

Заспанный атаман, стоя в рубаше и подштанниках, недовольно спросил:

– Ну, чего в такую рань будишь?

– Не прогневишь, батюшка, – заголосила Софья, упав в ноги Фомину. – Мой-то колоброд окаянный явился. Ты уж меня с детьми не трогай. Ну, куда мы пойдём, если нас из станицы выгонят. Сжался, батюшка!

– Явился всё-таки, смутьян! – зло процедил Трофим. – Ну, чего полы протираешь, вставай. Посиди покуда здесь, а я казаков пошлю.

Емельян сладко спал. И снился ему чудный сон. Будто сидит он в золочёных царских палатах, на троне, в царской парчовой одежде, расшитой золотом и драгоценными камнями, а вокруг него ходят разнаряженные дивы и слуги. Ласкают его и предлагают ему разные невиданные кушанья. И вдруг к нему подбежала красивая девица со злыми глазами, стала трепать его за щеки и кричать: «Государь, государь, послы заграничные приехали!» А он будто отмахивается от неё. А она треплет и треплет его. А голос, и знакомый голос, откуда-то издали и со стороны приказывает ему:

– Хватит, Емельян, лежбочить, вставай.

Открыл он глаза, а около его постели казаки при оружии стоят. Понял всё, лишь спросил:

– Жёнка моя где?

Урядник лишь усмехнулся. Емельян стал одеваться.

– Хорошо стараешься, Ефим.

– А то как же, я на службе, не то что ты, шантрапа босяцкая.

Пугачёв не обиделся, прищурясь, спросил:

– Хорошо служишь, Ефим. А не пойдёшь ли ты в моё войско, мне служивые нужны.

Урядник скривился:

– Где оно, твоё войско, разве что в курятнике.

Казаки рассмеялись, а Пугачёв ответил:

– А вот скоро узнаешь где, да только упреждаю – на моей дороге не попадайся.

В тот же день Емельяна Пугачёва под караулом отправили в Нижнюю Чирскую станицу на допрос к старшине и сыщику Макарову. Атаман пообещал:

– У него, Емеля, не чирикать, а сорочить будешь, как ты воровскими делами занимался, на бунт казаков призывал. Он и не таких, как ты, в трепет приводил.

– Трещала сорока, что кабана приторочила, – смело ответил Емельян Пугачёв и рассмеялся.

И вот теперь Емельян лежит в телеге на соломе, по бокам верхами сопровождают караульные, возница лениво подергивает возжами, понукая ленивую кобылёнку, а он смотрит в небо. Вдруг, откуда ни возьмись, появилась чёрная птица и закружила-закружила над самыми головами. Возница засвистел над головой кнутом:

– Кыш, кыш, проклятый ворон! И чего ему надо. Вот проклятый, ещё накличет беду.

Пугачёв вздрогнул, а потом посмотрел на кружащегося ворона и запел:

– Что ты вьёшься, вороночек, над могилою моей. Во земле-то чёрна ночка, над землёю белый свей...

Дороженька вторая. Глава 2

*«Третьего дня прибыл я в Симбирск...»
Из письма А. С. Пушкина жене.*

Симбирск ещё при подъезде встретил Пушкина звоном колоколов многочисленных церквей, которые созывали прихожан на вечернюю службу. Потрявоженные птицы снялись со своих гнезд и насестов, с криком кружа над деревянными домами, парками и оврагами, которые разрезали город на несколько частей. В слободе, через который проходил тракт, стоял сплошной пыльный туман, поднятый стадами, которые возвращались с выпасов. Они запрудили все дороги, по которой ехала карета, и ямщик терпеливо переждал, когда эта мычащая и бляющая орда рассеется по улочкам и переулкам. Пыль была так густа, что пассажир вытащил платок и приложил его ко рту. Спросил возчика:

– Скоро ли там, любезный?

– Недолго, барин, вот только через мосток скотина пройдёт.

Наконец, кучер взмахнул кнутом:

– Но, пошли, усталые!

Карета, громыхая колёсами, проехала по мостику, застланному деревянными плахами, миновала сторожку будочника, который не проявил никакого внимания на проезжих, и пока-тила к окраинным домам Симбирска. Ипполит, осмотрев серость и убогость окрестностей, вздохнул:

– Господи, и куда нас занесло! Разве ж тут могут жить люди.

Пушкин скусающе и устало смотрел на деревянные домишки и палисады с пожухлыми растениями. И вокруг заборы, заборы, заборы, заросшие высоченной коноплей, лебедой, полынью и крапивой, за которыми почти не видны домишки с садиками и мезонинами. Дома окружены сточными канавами, от которых разносилась вонь, заставляющая каждого непривычного к ней человека зажимать нос и вытирать слезящиеся глаза. Ближе к центру появились деревянные настилы тротуаров с проваленными прогнившими досками и немногочисленные каменные дома. Город оживляли, пожалуй, только узорчатые силуэты многочисленных церквей и их разноцветные маковки. Перед вечером уже закрылись все базары, рынки, лавки и магазины, и на улицах было пустынно. Лишь иногда проезжали громыхающие телеги или пробегали редкие прохожие, спешащие до темноты укрыться в своих домах.

Усталое колесо солнца спешило закатиться за горизонт. Пушкин, подумав, спросил ямщика:

– Любезный, далеко ли гостиница и есть ли она здесь вообще?

– Есть, есть, барин, как не быть.

– Так поезжайте туда.

Ямщик стал разворачивать тройку на узкой улице, ворча под нос:

– То туда езжай, то сюда повороти. Н-но, усталые!

У двухэтажного деревянного особняка, покрашенного в зелёный цвет, карета остановилась.

– Вот и гостиница, сударь, извольте.

– Благодарю, любезный, – ответил Пушкин, не сходя с коляски. – А где же слуги, почему они не встречаются?

Ямщик усмехнулся:

– Вы, сударь, местных нравов не знаете, тут живут как сонные мухи, и если их не всполошить, они с места не тронутся.

Ипполит встрепенулся, соскочил со ступеньки коляски, грозясь:

– Я сейчас, барин, живенько их растормошу.

Он подошёл к двери и долбил по ней кулаком до тех пор, пока кто-то изнутри не отозвался:

– Ну кто там тарабанит. Сейчас, сейчас открою.

Дверь отворилась и в ней, освещаемое слабым светом свечи, показалось примечательное существо в халате с большим отворотом, толстыми, обвислыми губами и взлохмаченной головой.

– Ну, чего? – снова спросило существо.

– Постоялец к вам, – громко ответил Ипполит, – Примайте. – Потом наклонился к уху существа и прошептал: – Важный господин, из самого Питербурху.

Существо встрепенулось, вскинуло голову, широко раскрыло глаза и закричало:

– Гринька, Минька, сволочи, опять на кухню таскаетесь! Бегом ко мне!

Гринька с Минькой появились, словно сказочные двое из ларца, в один голос спросили:

– Мы здесь, хозяин.

– Примите постояльца. Да смотрите, каналы, чтоб без ругани.

Слуги стали перетаскивать вещи в гостиницу, а существо подобострастно поклонилось гостю:

– Прошу вас, господин, проходите, мы вмиг вас устроим-с.

Помявшись у входа, Пушкин прошёл по скрипучей лестнице за устройтелем на второй этаж, при свете зажжённого канделябра осмотрел бедно обставленную комнату и сказал:

– Вот что, любезный, я сейчас приведу себя в порядок, а вы пришлите слугу, чтобы он проводил меня к губернатору.

– Сделаем-с, – всё дрожа, ответило существо. – Не извольте беспокоиться, сделаем-с.

– А что мне прикажете делать, барин? – спросил Ипполит.

– Останешься здесь. Да гляди, образина, вино не пей и по девкам не бегай.

Ипполит лишь усмехнулся на замечания своего барина, внёс дорожные вещи, спросил:

– Нужен ли я вам, Александр Сергеич? На кухню бы мне, горячих щец похлебать.

– Иди, иди, любезный, до утра ты мне не нужен.

Как только «образина» исчезла, Пушкин разделся, поплескался под рукомойником, вынул из дорожного сундука чистое платье, оделся, посмотрел на себя в зеркало и улыбнулся своему отражению. Подумав, вынул из футляра небольшой пистолет, проверил его и сунул в боковой карман. Накинул на плечи епанчу, надел на голову шляпу и вышел из номера. Устройство гостиницы вместе не то с Минькой, не то Гринькой стоял в коридоре.

– Вот-с, – показал он пальцем на бесперестанно шмыгающего увальня, – он вас проводит к господину Загряжскому. Вас сегодня ждать-с или как? Простите, как вас, сударь, называть?

– Титулярный советник Пушкин Александр Сергеевич.

– Пушкин, Пушкин, – задумчиво бормотал устройство, словно что-то припоминая. – Так вы изволите вас ждать-с?

– Пожалуй, нет, любезный.

– Хорошо, хорошо, будь по-вашему.

Детина, не то Минька, не то Гринька, уверенно шагал по тёмным улицам, пошмыгивая и постоянно озираясь по сторонам, довёл Пушкина до подъезда двухэтажного дома с небольшим флигелем сбоку, освещённого газовым фонарём.

– Вот, господин, тута он живёт, губернатор-то. Извольте. – Не то Минька, не то Гринька протянул загребушую ладонь.

Пушкин вложил в неё монетку:

– Спасибо Бог тебя, братец. Иди.

Не то Минька, не то Гринька поклонился:

– Благодарствую, барин. – Развернулся и без оглядки канул в темень.

Гражданский губернатор Симбирска, Александр Михайлович Загряжский, приходился двоюродным братом тёщи Пушкина, Гончаровой Натальи Ивановны. Перед отъездом она слёзно умоляла зятя, если представится в дороге случай, посетить кузена и передать ему приветы, с которым они были очень близки в детстве. Войдя в парадную, Пушкин услышал звуки скрипок и спросил лакея:

– Что это там играют, любезный. Не свадьбу ли?

– Никак нет, сударь, танцуют-с вальсы, – ответил лакей, принимая от гостя плащ и цилиндр, и поклонился. – Как изволите вас представить?

– Титулярный советник Пушкин Александр Сергеевич.

– Слушаюся, господин титулярный советник.

Снова едва заметный наклон головы. Слуга удалился. Через несколько минут дверь отворилась, и к Пушкину с раскрытыми объятиями и широкой улыбкой быстрым шагом подошёл сам хозяин.

– Александр Сергеевич, милый вы мой, вы ли это? – Они обнялись и расцеловались троекратно по-русски. – Вот не ожидал вас в нашем захолустье. Рад, очень рад принимать такого дорогого гостя.

Освободившись от объятий, Пушкин склонил курчавую голову:

– Вам, Александр Михайлович, большие приветы и лобызания от Натальи Ивановны.

– Моя дорогая кузина, она не забыла меня! Большое спасибо, Александр Сергеевич. – Загряжский весь светился радостью. – А вы, вы какими судьбами?

– По высочайшему повелению уволен в отпуск на четыре месяца.

– Вот как! И по каким же надобностям?

– Задумал я писать историю Пугачёвского бунта, Александр Михайлович. А живого материала, свидетельств не хватает. Вот и решил поехать по Казанской и Оренбургской губерниям. Бумажек в наших канцеляриях много, да только души, жизни в них нет. Я уже побывал в Казани, много чего наслышался, теперь вот к вам приехал.

– Я, право, не знаю, живы ли у нас старожилы сего злодейства, но я вам рад, очень рад, Александр Сергеевич. У нас сегодня небольшой праздник, моя дочь с подружками танцуют вальсы. Их учит учитель, а играют два тапёра. Пойдёмте.

Пушкин остановил Загряжского:

– Подождите, Александр Михайлович, а нет ли у вас письма для меня?

– Письмо? Ах, да. Пётр! – крикнул хозяин слугу. Тот появился, поклонился. – Нет ли для господина Пушкина почты?

– Есть, – ответил лакей и скоро принёс поднос с конвертом.

Пушкин с жадностью схватил конверт и вскрыл его.

– Вы идите, Александр Михайлович, я скоро буду, – сказал гость.

– Понимаю. От жены? Мы вас ждём.

Загряжский удалился, а Пушкин подошёл поближе к канделябру и стал жадно выхватывать строчки, всё больше и больше проясняясь лицом, чем ближе к концу подходило чтение. По прочтении он вскинул голову, поцеловал письмо и улыбнулся:

– Ангел мой! Кажется, ты здорова, нарывы проходят. Но вот я тебя пожурю, когда вернусь. Почему не пишешь о детях.

С прекрасным настроением он быстрым шагом вошёл в залу. Там, видно, его уже ждали. На стульях сидели несколько девочек в бальных платьях, учитель танцев, молодая монашка в тёмно-синем платье с накидкой, двое тапёров со скрипками в руках. Сам Загряжский с женой стояли чуть в стороне. Пушкин сделал общий поклон, не обошёл вниманием хозяйку, подойдя к ней и поцеловав ей ручку:

– Каролина Осиповна, выражаю особое почтение хозяйке. Примите привет от моей Натали, она вспоминала о вас.

– Благодарю, Александр Сергеевич. Располагайтесь, как хотите, будьте как дома.

В чёрном фраке, низенький, курчавый и с мулатским лицом, Пушкин, по-видимому, произвёл гипнотическое впечатление, потому что все молча встали и склонили головы, а девочки сделали реверанс. Он оглядел всех блестящими, весёлыми глазами:

– Приветствую высокое, прекрасное и благородное собрание. А что тут у вас происходит, господа?

Первой нашлась девочка в розовом платье лет десяти:

– Мы танцуем вальсы, господин Пушкин.

– Вот как! – весело вскрикнул гость. – Я очень люблю танцы, я их обожаю! И как вас зовут, прекрасное дитя?

– Елизавета Александровна Загряжская, – без тени смущения представилась девочка.

Гость весело рассмеялся, обсыпая и зал, и присутствующих радостью и смехом. Все сразу расслабились и тоже засмеялись. А Пушкин наклонился к девочке:

– Что ж, Елизавета Александровна, а не подарите ли вы мне первый тур вальса?

– С удовольствием, Александр Сергеевич, – смело ответила маленькая дама, тряхнув белыми кудряшками.

– Великолепно! – восторгался Александр Сергеевич.

Он осмотрел залу, отделанную штофными обоями светло-зелёного цвета, подошёл к окну, вынул из кармана свой пистолет и положил его на подоконник. Спросил скрипачей:

– Что играете, господа?

Один из скрипачей, низенький, с рыжими кудряшками, поклонился:

– В нашем репертуаре, господин Пушкин, венские вальсы господина Йозефа Ланнера, Иогана Штрауса, Фредерика Шопена. «Тальони», «Виктория», «Габриэлен», «Цецилия», «Лорелея», «Аллегорический вальс», – перечислял он. – Играем мы также мазурки, полонезы. Чего изволите исполнить?

Пушкин удивлённо приподнял бровь:

– Шопен, кто это? Сочинения господ Ланнера и Штрауса я знаю, а кто такой Шопен?

Тапёр ответил с поклоном:

– Это молодой польский композитор и пианист, господин Пушкин. Должен сказать, что он сочиняет прекрасные вальсы. Не изволите ли послушать?

– С удовольствием, господа, потанцуем и послушаем.

Затем Александр Сергеевич снова подошёл к Лизе, поклонился:

– Я готов, сударыня.

Учитель танцев по-дирижёрски взмахнул рукой, и скрипачи заиграли венскую музыку. Пара закружилась вихрем. Она сделала круг по зале, затем второй, третий. Пушкин иногда отрывал партнёршу от пола и кружил вокруг себя. Лиза заливисто смеялась и делала ужасные глаза, но когда партнёр опускал её на пол, она, как ни в чём ни бывало, вальсировала снова. Пушкин смотрел партнёрше в глаза и восторженно говорил:

– Восхитительно, браво! Шарман, Елизавета Александровна, шарман!

После танца с Лизой Пушкина окружили и другие девочки, они дёргали его за фалды и тоже упрашивали:

– Потанцуйте со мной, Александр Сергеевич. И со мной! И со мной тоже!

Гость никому не отказывал, он был, что называется в ударе, весел, остроумно шутил и каждой партнёрше отпускал свою долю похвал и восхищения.

Скромная монашка сидела на стуле, потупив глаза из-под платка, и смотрела на это веселье с лёгкой улыбкой. Возле неё стоял Загряжский, иногда наклонялся и что-то шептал ей на ушко. Монашка скромно улыбалась и ничего не отвечала. Пушкин подошёл к ней:

– Не желаете ли, сударыня, танцевать?

– Ах, пожалуй, нет, – скромно ответила отшельница.

– Отчего же?

– Мне, кажется, нездоровиться. – Она подняла голову, пристально посмотрела в глаза гостю и встала. – Впрочем, почему бы нет.

В вальсе Пушкин спросил:

– Вы, верно и есть та самая Варвара Ивановна Кравкова?

Монашка округлила от удивления глаза:

– Да, – дрогнувшим голосом ответила девушка. – Откуда вы знаете?

– Не так много найдётся таких прекрасных отшельниц, как вы. Мне рассказывал о вас Владимир Фёдорович Одоевский.

– Ах! – воскликнула Варвара. – Что же он хочет?

– Он озабочен вашей судьбой и передаёт вам самые лестные слова. О вас беспокоятся и ваши родители.

– Нет, не будем больше об этом, моё дело решённое.

Больше она не сказала ни слова и после танца снова села на стул, положив на колени руки и потупив свою красивую головку.

В это время в залу вошёл писатель Второв Иван Александрович, с которым Пушкин познакомился в Петербурге шесть лет назад. Второв широко улыбнулся, раскинул руки и направился к Пушкину.

– Дорогой Александр Сергеевич, я не верю своим глазам, вы здесь, в Симбирске! – Они поздоровались. – Вот, прослышал, что вы здесь, и поспешил встретиться. Позвольте узнать, вы к Загряжскому прибыли с визитом, по-родственному, или вас занесли сюда деловые ветры?

– Рад видеть вас, Иван Александрович. Я бы сказал, что меня занесли сюда прежние бури, исторические, так сказать.

– Вот как!

– Я замыслил написать историю Пугачёвского бунта.

– Интересно, очень интересно, – подхватил Второв. – И что же вас подвигло на столь далёкое путешествие в нашу Тмутаракань?

Пушкин рассказал о своих розысках в архивах, об их бедности и официозности, о желании поближе увидеть те места, где происходили бунты, и встречах с их участниками.

– Значит, вы собираете живые свидетельства о разбитии Пугачёва. Знаете, Александр Сергеевич, я могу в меру своих знаний помочь вам в этом, ведь я тоже интересуюсь историей Поволжья.

Пушкин раскинул руки:

– Иван Александрович, да вас ко мне сам Бог посылает! А я только что из Казани, от меня ещё пахнет дорожной пылью. Там я много чего узнал, жил у Карла Фёдоровича Фукса, встречался с Евгением Баратынским. Обязательно поговорим, обязательно. – Пушкин обнял Второва за плечи. – Скажите-ка, друг мой, дома ли Николай Михайлович Языков или в Северной Пальмире нашей.

– Скажу по правде, Александр Сергеевич, с братьями Языковыми давно не встречался, – ответил Второв.

– Ах, дружок ты мой ситный, Николай Михайлович, душечка, как же мне хочется с ним встретиться. Вы читали его стихи, Иван Александрович? Ах, какие прекрасные стихи! Ну, ничего, завтра я с ним непременно встречусь.

Дороженька первая. Глава 3

*«Ты скажи, скажи, детинушка, незнамый человек,
Ты незнамый, незнакомый, неведомо какой:
Ты не царь ли, не царевич ли, не царский ли сынок,
Ты не с Дону ли, казаченька, не казачий ли сынок?»*

Народная песня.

По бескрайней степи тащилась телега, запряжённая мухортной лошадёнкой. В ней сидели двое, спрятав лица в высокие воротники шуб. Один из них был Емельян Пугачёв, который по дороге в Нижнюю Чирскую станицу снова бежал, потом таскался по разным глухим углам, пока не прибился в станице Мечетной к казаку Филиппову Семёну. Из серой преисподней валил и валил густой снег, покрывая всё вокруг белым саваном. Филиппов ворчал:

– Нет, надо было всё же сани запрячь, сейчас уже где были бы. А то вон тащимся, как в лямках.

Емельян отвечал:

– Сейчас погоду не угадаешь, запрягай хоть телегу, хоть сани.

– Эх, пристать сейчас куда ни што, погреться. Ни зги не видно. Ты, Емельян, зерно-то прикрыл, как бы не сопрело от влаги?

– Да прикрыл, прикрыл.

Неожиданно возница соскочил с телеги, остановил лошадь. Приставил ладонь ко лбу:

– Кажись, что-то чернеется. Курени, должно быть. Слава тебе, Господи, добрались.

Он мелко перекрестился и дёрнул вожжи:

– Но, вялая, чего дрожишь. Пошла, пошла!

Лошадёнка вытянулась и сдёрнула воз из жидкой хляби. Через полчаса телега остановилась у первого же база. Возница постучал в окно. Из двери избы вышел хозяин в накинутом на плечи полушубке:

– Кого Бог принёс в такую непогодь?

– Хозяин, непустишь ли на постой?

– Кто такие, откуда?

– Я Филиппов Семён, из станицы Мечетной, приехали хлебом торговать да рыбы закупить.

– А это кто? – спросил хозяин, кивая на второго.

Второй слез с телеги, приподнял со лба шапку:

– Емельян я, Пугачёв. Хозяин, ты бы впустил нас в дом, совсем мы иззябли. За постоя не обидим.

Хозяин помялся:

– Ну, коли так, заходите.

Жена встретила гостей неласково: скрестив на груди руки и укорчиво глядя на мужа. Тот что-то шепнул ей на ухо, и та сразу повеселела. Быстро собрала стол с борщом и кашей. Хозяин представился:

– Зовите меня Денисом, по батюшке Степанович Пьянов. – Потом повернулся к жене: – Жёнка, принеси-ка нам бражки.

– Чать, не праздник, – огрызнулась хозяйка.

Денис нахмурил брови:

– Сказал, дай.

Помолясь на образа, гости выпили и стали закусывать. Хозяин, сам старовер, увидел, что Пугачёв тоже крестится двумя перстами, спросил:

– Откуда ты, Емельян?

– Сам я рожак из Зимовейской, да где меня только не носило. Бывал и в Цареграде, и в Польше, и в Арабии, и на Кубани, и в Царицыне.

– Вона как! – удивился Пьянов. – Тут слух меж казаков ходит, будто в Царицыне важный человек появился и именует себя государём Петром Фёдоровичем. Да только казаки не верят.

– Почему же? – спросил Емельян.

– Да будто это и не царь вовсе, а самозванец: то ли Федотка Богомолов, то ли Рябов, то ли ещё кто.

Пугачёв помолчал. После того как выпили ещё по одной чарке, спросил:

– Как живут здесь казаки?

– Да по-разному, – ответил Пьянов. – Чать, слышал, в начале года казаки тут трянули властью, самого енерала убили, атамана да старшин. Потом-то нас и поприжали. Дыхнуть не дают, лютуют. Следователи и до се бунтовщиков ищут. Кого поймают, по казацкому обыкновению плетьюми бьют, бороды сбривают, в армию отсылают. Да ещё грозятся заводил четверговать, колесовать, вешать да головы отсекают. Вот оно как, Емеля.

Филиппов в разговор не встревал, молча пил и ел кашу, иногда недоверчиво поглядывая на осоловевших собеседников.

Утром, перед отправкой на базар, Пугачёв вышел во двор, скинул с себя рубаху и стал умываться и растираться снегом, побрякивая и ухая:

– Ух, благодать! Ах! Ах!

Во двор вышел Пьянов, подивился, сказал:

– Гляди, простудишься нето.

– Ничего, я привыкший, – ответил Емельян. – В армии, в походах и не то бывало.

Денис присмотрелся к оголённому телу и, показав на провалы на груди, спросил:

– А это у тебя что?

– Это? Это, брат Денис, особые признаки. Я тебе потом о них скажу, а сейчас не спрашивай.

Умывшись и обтеревшись, Емельян поглядел вдаль, в степи, потом в небо и со вздохом сказал:

– Эх, Денис, хороший ты человек, погляди, сколько вокруг простора, а душе воли нет – будто в клетке она.

– Да что ж воля, – ответил Пьянов, – она сейчас не в наших руках. Всем атаманы да старшины заправляют по царицыной указке. Вот говорят, что скоро казаков будут набирать в московское войско, а они не хотят уклады и обычаи свои менять.

Пугачёв промолчал, а к исходу дня, когда вечерали и снова пили брагу, Емельян наклонился к уху Денис и прошептал:

– А знаешь ли ты, Денис, кто я есть на самом деле?

– Кто? – тоже шёпотом спросил Пьянов.

– Я и есть тот самый государь Петр Фёдорович, о котором говорят.

Пьянов округлил глаза и отшатнулся:

– Да ну! – Денис перекрестился. – Все же говорят, что он помер.

– Помер, помер! – с укоризной повторил Емельян. – Знаки у меня на груди видел?

– Да, видел.

– Так вот, это царские знаки, Богом данные мне с рождения. Верь, я и есть император Пётр Третий. Все думают, что я помер, а я – вот я. Веришь ли?

Пугачёв расправил свою грудь. Пьянов во все глаза смотрел на своего гостя, потом, икнув, спросил:

– Так где же ты скрывался, государь, как выжил?

– Когда по царицыному приказу меня в полон взяли да хотели умертвить, спас меня один дворянин. Фамилию его уж не помню. Меня спас, а сам-то на эшафот за это пошёл.

– Вот оно как!

– Да. Долгие годы скитался я по миру, нищенствовал и жил милостыней. И где я только ни был, – я ж тебе сказывал: и в русском войске под Цареградом воевал, и в Польше был, и в Арабии. Да вот Бог ниспослал милость вернуться мне в Российское государство.

– И что ж ты делать-то теперь будешь, государь, небось, немка-царица трон свой не отдаст? – спросил Пьянов.

– А ты собери-ка верных казаков, токмо тайно, я скажу им слово заветное, небось, немка-то им тоже поперёк горла встала.

– Хорошо, Еме... – Денис споткнулся на полуслове. – Хорошо, государь, я с казаками поговорю. Без их совета и приговора никто и с места не тронется.

Через несколько дней в избе Пьянова собралось несколько стариков. Они во все глаза смотрели на новоявленного императора. Денис, нашептавший им про царские знаки на груди Емельяна, сидел в сторонке вместе с Филипповым. Один из казаков, пожимая губами, спрятанными между бородой и усами, несмело сказал:

– Что-то не больно ты похож на императора, больше на казака смахиваешь.

Пугачёв смело ответил:

– А коли я сбрею усы да бороду, фальшивые волосы на голову надену, на кого тогда я похож буду? Да если и одеяния мне, золотом расшитые. Тогда как?

Казаки замолчали, а Емельян продолжал:

– Нешто вы можете, казаки, жить в таких утеснениях. Казак сроду был вольным, а теперь вами управляют из Питербурху. Канцелярии удерживают вам жалованье, собирают с вас самовольные налоги, нарушают ваши старинные права, лишают обычаев рыбной ловли, вас переписывают, ровно скот. Вам будут брить бороды и посылать в гусары. То-то же смеху будет, господа казаки!

– Так мы ж жалуемся самой царице, – подал голос один из казаков.

– И где же ваши жалобы? Вот если бы я был на троне, я бы всех казаков наделил вечной вольностью и дедовскими правами, коими их наделил сам Господь Бог. Вот и хочу я вас позвать к турецкому султану.

– А к султану-то зачем?

– Там мы соберём войско и пойдём на Русь, – ответил Емельян. – Бывал я на Дону и на Кубани, тамошние казаки обещались мне, вашему настоящему государю Петру Фёдоровичу, незамедление и помощь. Так как, казаки?

– Оно бы, может, и так, – ответил за всех седобородый старик. – Только на какие шиши ты, государь, собираешься войско содержать? На охотку-то охотников мало найдётся, а по войне им семьи кормить надо.

– За этим дело, казаки, не станет, – стал уверять Пугачёв. – Я ведь тоже не один, за мной стоят богатеи: купцы да дворяне, помещики и попы. На границе у меня заготовлено казны в двести тыщ рублей и товару разного ещё на семьдесят тыщ. К тому же сам паша, как только казаки к нему придут, должен им выдать пять миллионов рублей.

Казаки зашумели, забалакали между собой, вскидывая бородёнки и чеша шеи и затылки. Старик спросил:

– А сколько ты положишь жалованье каждому казаку?

– По двенадцати рублей каждый месяц.

Казаки снова одобрительно зашумели:

– Знатно! Добро! Это любо! Только подумать бы надо, такие дела с порханья не делаются.

– Смотрите, казаки, как бы потом не поздно было, – перебил гудение казаков Емельян. – У меня есть верные сведения, что против вас из Московии идут два полка, а на Рождество или Крещение на Яике будет бунт.

Кто-то закричал:

– Да чего вы, казаки слушаете этого самозванца! Хватайте его, возмутителя, да потащим в комендантскую канцелярию, пускай с ним там разбираются!

Но седобородый казак его остановил:

– Не трещи, Куприян, это дело обдумать надо. На Рождество рыбу багрить будет, а уж опосля всё обговорим.

С самого раннего утра, пока свет ещё еле просачивался сквозь небесный полог, на берег Яика съехались сотни саней. Ржание лошадей, оживлённый говор, скрип снега, густой пар от дыхания сотен лошадей и людей. Кто-то крикнул:

– Прибыл ли атаман?

– Будет, будет, чего кричать, аль кишка не терпит.

Атаман багрения, назначаемый канцелярией из штаб-офицеров, должен был подавать знак к началу багрения. Крюки для багрения висят на гужах хомутов, а длинные шести валяются на снегу. В санях лежат пешни, лопаты. Нетерпение читается в каждом жарком взгляде казака, в каждом его жесте. Даже, кажется, лошади понимают состояние своих хозяев, их глаза горят от предстоящей гонки, они нетерпеливо перебирают ногами, ржут, вскидывают голову, кусаются, но казаки удерживают их железной рукой.

Но вот прибыл и атаман в сопровождении семерых конных казаков, определённых для наведения порядка. Атаман вышел вперёд, спросил:

– Крепок ли лёд, никто не потонет?

– Крепок, атаман, никто не потонет, – отвечает старшина.

– Учуги крепко стоят?

– Крепко, крепко, атаман.

Учуги – это загородка на реке из толстых брёвен, которая с самого половодья удерживает рыбу, не давая ей подняться вверх из моря.

– Ятови нашли?

– Нашли, нашли, атаман. Рыбы в них, как в бочке.

Ятовь – это, по-казацки, омут, в котором рыба проводит зимовку.

Все ждут сигнала, но атаман чего-то ждёт с шаловливой улыбкой, спрятанной в его мохнорылости. Вот кто-то не сдерживается и срывает с места свои сани. Атаман смеётся. За смельчаком устремляются несколько верховых, они рубят ему шашками гужи и багры. Смельчак падает на снег и умоляет:

– Помилуйте, братцы, не я это. Лошадь, проклятая, понесла! Не виноват я, пощадите!

Но его никто не жалеет, все смеются – нельзя нарушать законы. Доволен и атаман – урок соблюдения дедовских обычаев дан. Наконец, атаман осеняет себя мелким крестом, кидается в сани и бросает свою лошадь во всю прыть к реке. Орда с гиканьем и дикими криками устремляется вслед за ним. Вот двое саней сцепились оглоблями и их хозяева пытаются сдержать разгорячённых лошадей; вот кто-то вывалился из саней, он жалобно кричит, моля о помощи, и волочится по снегу, боясь отпустить вожжи, чтобы не попасть под копыта конницы; кто-то лупит кнутом соседскую лошадь; кто-то сел верхом, понукая лошадь острыми шипами шпоров.

Наконец, орда у реки. Казаки бросаются на лёд, спешно пробивают пешнями проруби и спешат опустить в воду свои багры. Все ловцы сбросили свои шубы и зипуны – жарко. От разгорячённых тел поднимается пар, лица красные, а в глазах искры азарта. Через минуту на льду уже трепещется первый осётр, подпрыгивая в воздух и извиваясь всем телом. Тут же рядом появляется севрюга или белуга. Кто-то подцепил слишком большого осетра, он жилится, чтобы выволочь его на лёд, наконец, сдаётся и кричит:

– Помогите, братцы, он меня утопит! Умоляю, помогите!

К нему подскакивает сосед с багром, подцепляет улов и помогает вытащить добычу пуда в три на лёд. Сосед удивляется:

– Вот это презент, в самый раз ко двору её величества! Считай, что ковш и сабля твои.

Удачливый багрец счастливо улыбается – это большая честь, если его рыба попадёт на стол самой императрицы, которая богато одаривает за это казаков. Один из багрецов нечаянно угодил в прорубь. Его вытащили и уговаривают отправиться в город отогреться. Но казак не поддаётся на уговоры и снова хватает багор. На берегу в длинных дорогих шубах важно прохаживаются купцы, наблюдают за багрением. Они пристально наблюдают за всем происходящим. Если кто-то вылавливает крупную красную рыбу – севрюгу, осетра или белугу, они тут же подбегают к счастливицу и начинают с ним торг. Через несколько часов всё пришло в норму: казаки спокойно багрили рыбу. Красную и крупную продавали купцам, оставшуюся грузили на сани и отвозили домой, складывая в ледники. Так продолжалось до самого Рождества Христова.

Пугачёв так и не дождался определённого ответа от стариков Яика, они по-всякому уходили от разговора. Продав зерно и закупив рыбы, он вместе с Филипповым возвратился в станицу Мечетную, где проживал по разрешению управителя. После этой поездки Семён Филиппов ходил хмурый и неразговорчивый, часто отлучался и возвращался только к ночи. Однажды Емельян спросил:

– Что с тобой, Семён, нешто я заразный, что ты сторонишься меня?

– Хожу с казаками разговаривать по твоему делу, – коротко ответил Филиппов.

– И что они?

– А ничего – боятся. Кому охота свою шею в петлю совать.

Дороженька вторая. Глава 3

«Ваши стихи: вода живая; наши – вода мёртвая; мы ею окатили «Современника». Опрысните его Вашими кипучими каплями...»

Из письма А. С. Пушкина Н. М. Языкову.

Утром, зайдя к Языковым по улице Спасской, Александр Сергеевич узнал, что господ нет дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.